

КОНЦЕПТ ЧАША В АНТИЧНОЙ СЕМИОСФЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА

Н. С. Павлюк

CONCEPT *BOWL* IN ANCIENT SEMIOSPHERE OF A. S. PUSHKIN'S WORKS

N. S. Pavlyuk

В статье рассматривается образ чаши как воплощение одного из культурных концептов в творчестве А. С. Пушкина. Устанавливается архетипическая основа образа, восходящая к античной культуре. Художественная семантика чаши прослежена в поэтических текстах 1811 – 1820 гг. Выявленные конкретные значения («пиршественная чаша», «круговая чаша», «погребальный фиал») соотнесены с мотивным комплексом в поэзии А. С. Пушкина, формирующим семиосферу античных ценностей, эксплицированных на мировидение лирического героя. Пушкинский поэтический миф о чаше соотнесен с вариациями образа чаши в лирике К. Н. Батюшкова. Это позволяет увидеть процесс освоения классического наследия в разных художественных системах на материале одного из ключевых концептов, формирующих семиотическое пространство античности в русской поэзии.

The paper addresses the image of the *bowl* as the embodiment of a cultural concept in the works of Alexander Pushkin. The archetypal basis of the image, dating back to the ancient culture is set. Artistic semantics of the *bowl* is traced in poetic texts of 1811 – 1820. Some specific values ("convivial bowl", "circular bowl", "funeral phial") were identified and compared with the motivic complex of A. S. Pushkin's poetry forming the semiosphere antiquity, to explicate the lyrical vision of the world. Pushkin's poetic myth of the *bowl* is compared with variations of the *bowl* image in K. N. Batiushkov's lyrics. This allows to see the process of development of the classical heritage in different art systems on the material of one of the key concepts that form the semiotic space of antiquity in the Russian poetry.

Ключевые слова: античность, миф, чаша, семиосфера.

Keywords: Antiquity, myth, bowl, semiosphere.

Античное наследие традиционно является одним из составляющих истоков творчества А. С. Пушкина. В произведениях поэта часто встречаются латинские выражения, он обращается к наследию древних авторов, создает «подражания», переводит произведения древнегреческих и римских авторов, вступает с ними в поэтический диалог [7]. На этой основе можно говорить об особой пушкинской семиосфере античности. Среди знаковых образов в ней особое место занимает *чаша*.

По многозначности семантики *чашу* можно считать культурным концептом. Современный исследователь определяет концепт как «конституирующий элемент культуры. Это когнитивная единица, благодаря которой продуцируется, аккумулируется и транслируется культурный опыт» [12]. Семантика *чаши* развивалась в европейской культуре классического периода и была переосмыслена и обогащена в христианскую эпоху. Художественные значения слова формируются в области прямого обозначения сосуда для питья и ритуальных обрядовых действий, а также в области символического обозначения психологических состояний и бытийных экзистенций.

Являясь вакхическим символом, *чаша* входит в ряд с пиршественных мотивов, передающих атмосферу торжества света, веселья, радостного переживания жизни. По контрасту с пиршественной семантикой *чаша* может символизировать евхаристическое содержание, выступая знаком скорби, страданий, очищения и единения с Христом.

В творчестве Пушкина присутствуют обе отмеченные традиции. Чаша – один из ярких образов-символов в составе его поэтического творчества.

Согласно Словарю языка Пушкина «чаша» появляется в текстах более 100 раз. Для сравнения отметим и другие сосуды: кружка – 17 случаев употребления, бокал – 33, чашка – 27, рюмка – 28, штоф – 9, кубок – 35, стакан – 61, кувшин – 12, ковш – 5. Присутствуют и античные сосуды: амфора – 2, фиал – 15, урна – 20 [10]. Таким образом, чаша может считаться наиболее частотным сосудом.

В нашу задачу входит рассмотрение образа чаши как художественного воплощения одного из знаковых концептов, формирующих в поэзии Пушкина античную семиосферу. Наибольшее обращение к символическому пиршественному содержанию образа чаши наблюдается в поэзии 1811 – 1820-х гг.

Вначале обратимся к архетипической основе концепта *чаша*. В Мифологическом словаре Г. Щеглова и В. Арчера представлена широкая семантика сосудов в мировых мифологических системах. В них все многочисленные упоминания различных ёмкостей можно свести к нескольким основным сферам употребления. Что касается римской и греческой мифологии, то *чаша* выступает как символическая деталь образа некоторых богов, таких как *Геба*, которая представала «в виде юной девушки в венке из цветов, с золотой чашей в руке» [8, с. 39]; *Гений*, которого «обычно изображали в виде юноши с рогом изобилия, чашей и другими символами благополучия» [8, с. 41]; *Салюс* имеет «шар у ног и жертвенную чашу в правой руке» [8, с. 133].

Чаша могла присутствовать как неременный атрибут бога или мифического существа, с которым он и ассоциировался. Например, *Силены* – «демоны

плодородия. Атрибутами Силенов были винный кубок, венок из плюща, тирс, осел» [8, с. 138]; «постоянные атрибуты Сатира — тирсы, флейты, мехи или сосуды с вином» [8, с. 135].

Примечательно соотношение древнегреческой и римской символики. Рог изобилия как знак благополучия и процветания используется в римской мифологии, в греческой главное место занимает чаша с вином или золотая чаша.

Помимо семантики благополучия, у концепта *чаша* выделяется ряд других значений: в греческой мифологии чаша — атрибут ритуала восхода солнца (вечером Гелиос переплывает реку в золотой чаше и возвращается на восток утром [8, с. 40]), чаша — источник жизни (Гигея, кормящая змею из чаши [8, с. 45]), чаша смерти (Медея преподносит чашу с ядом сыну [8, с. 95]), чаша как объект торговых отношений (Эвней выкупает Ликаона за серебряную чашу [8, с. 174]), чаша наказания (бездонный глиняный сосуд, который Данаида должна была вечно наполнять водой в наказание за непослушание отца [8, с. 50]), чаша как предмет приданного (Зевс подарил Пандоре глиняный сосуд, в котором были сокрыты все несчастья и беды человеческие [8, с. 113]).

В западноевропейской мифологии большое значение имеет миф о чаше Грааля — легендарная чаша или кубок, ради обнаружения которого рыцари совершали свои подвиги. Обычно считалось, что это чаша с кровью распятого Христа, которую собрал Иосиф Аримафейский, снимавший с креста его тело. Предполагалось также, что эта чаша служила Христу и апостолам во время тайной вечери [8, с. 48].

В христианской культуре образ чаши неразрывно связан с церковными таинствами — крещением, водоосвящением. Центральный образ — евхаристическая чаша. Таинство причастия было заложено самим Христом на Тайной Вечери. Взяв хлеб, благословив и давая его ученикам, Господь сказал: «Примите, ядите: сие есть тело мое», а потом, подавая чашу с вином, воздав хвалу Богу, сказал: «Пийте от нея вси: сия бо есть кровь моя Новаго Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов» (Матф. 26:26-28; Марк. 14:22-24 и Лук. 22:19-20) [11]. Кроме того, чаша — один из символических даров, преподнесенных волхвами новорождённому младенцу Христу (Матф. 2:1-12) [2, с. 1040].

По определению Малого академического словаря, чаша — «старинный большой сосуд в форме полушария, предназначенный для питья, любой сосуд, вместилище округлой формы» [9]. Но культурный контекст, в котором используется чаша, формирует множество других значений. Обретая черты культурного концепта, чаша оказалась связана и с домашним обиходом (чаша как ёмкость, необходимая в быту) и с ритуальными традициями. Оставаясь и предметом бытовой повседневной культуры, чаша по своей семантике слова стала соотноситься с идеей праздника, единения, приобщения. Таким обра-

зом, чашу можно считать особым знаковым атрибутом культурного наследия.

В античности сформировалась обширная семантика чаши, обусловленная разнообразными бытовыми нуждами и ритуализованными формами ее использования для пира, для награждений, для голосования, для гаданий, для захоронений (амфора, фиалы, лекифы, ойнохоя, лебес и т. д.) [3]. Один из известных символов наказания — чаша с ядом цикуты (процесс Сократа) [8, с. 535].

В значительной части стихотворений 1811–1820-х гг. Пушкин использует образ чаши в развитии пиршественных мотивов. В стихотворении «Блаженство» [6, Т. 1, с. 54] появляется «чаша круговая». А в «Пирующих студентах» [6, Т. 1, с. 59] чаша вписывается в канву текста в своём основном значении — пиршественная чаша, атрибут весёлого застолья. Стихотворение построено как портретная галерея друзей-лицеистов Пушкина. В виде тостов о каждом из них говорится немного, но данные характеристики точны и ёмки по содержанию, каждая строфа обращена к одному из них. Адресаты представлены торжественно и шутливо. Объединяет пирующих именно круговая чаша. Еще один оттенок — дружественная чаша примирения: «Но *чашу дружества* нальем — / И тотчас помиримся» (Курсив здесь и далее мой — Н. П.). Образ «круговой» пиршественной чаши включает художественную семантику веселья, единения, примирения, дружбы.

В контексте идиллических мотивов появляется образ «полной чаши» как метафоры полноты бытия. Стихотворение «Сон» (1816) отличается неторопливостью и томным настроением духа. Лирический герой наслаждается деревенским спокойствием. «Спешите же под сельской мирный кров, / Там можно жить и праздно и беспечно». И на фоне сна и «умеренной» лени, чаша выступает как знак даров плодотворной природы. Бог виноделия и веселья Вакх является с чашей, символизируя радости жизни: «Веселья бог с широкой, *полной чашей*, / И царствуй, Вакх, со всем двором своим» [6, Т. 1, с. 184].

Другое значение античной чаши противоположно веселью и радости и связано с похоронным обрядом. В стихотворении «Гроб Анакреона» (1815) [6, Т. 1, с. 165] все наслаждения земные и радости выглядят карикатурными на фоне смерти «мудреца сладострастия», высеченный портрет которого «ожил» и передаёт последние забавы этого старца. Милые увеселения сопровождают его и в последнее пристанище — гроб, который предстаёт как прахом наполненный сосуд. Смерть тем более страшна людям, рассуждающим, как и лирический герой: «Жизнью дайте ж насладиться; / Жизнь, увы, не вечный дар!». На смерть неумолимо обречён каждый из живущих, и как завет усопшего звучат конечные строки: «Страстью пылкой утомляйся / И за *чашей* отдыхай!».

Одним из центральных стихотворений пиршественной тематики является «Вакхическая песня» (1825) [6, Т. 2, с. 420]. Пушкинский вакхический символ хорошо вписывался в круг общепринятых представлений об университетских кутежах — поэт

был в ближайшей дружеской связи с А. Вульфом, студентом Дерптского университета, отличительной особенностью которого были строго ритуализованные кутежи [5].

Главный смысл пушкинского вакхического обряда, описываемого в этом стихотворении, – символическое обручение вакхантов с вином, божественной стихией, приводящей в экстатическое состояние от непосредственного общения с музами. Именно от муз идет тот творческий порыв, без которого, как считали древние греки, владение техникой стихосложения ничего не дает. Культурное значение виноградской лозы и вина, присущее античности, создает особую торжественность священнодействия в пушкинском языческом дифирамбе [5].

В процессе анализа лирических текстов 1811 – 1820-х гг. выделяется мотивный комплекс лицейской лирики, связанный с концептом *чаша*. Его художественная семантика разнообразна и многоаспектна. Из всего комплекса мотивов следует остановиться на трёх самых основных:

1. Чаша – сосуд, из которого пьют друзья на празднестве. Это *чаша* круговая: «Оставим в чаше круговой / Педантам сродну скуку» («Пирующие студенты») (1814) [6, Т. 1, с. 59].

2. Чаша увеселительная как атрибут шумного застолья: «Изделье гроба преврати / В увеселительную чашу» («Послание Дельвигу», 1827) [6, Т. 3, с. 68]. «Взошли, прервали тишину, / Садятся; чаши внимаем звону» («Юдину», 1815) [6, Т. 1, с. 167].

3. Полная чаша содержит переносный смысл и символизирует полноту жизни. «И пусть умрём мы оба / При стуке полных чаш» («К Пущину», 1815) [6, Т. 1, с. 119]. «Веселья бог с широкой, полной чашей, / И царствуй, Вакх, со всем двором своим» («Сон», 1816) [6, Т. 1, с. 184].

Среди поэтов-предшественников многообразное художественное содержание образа *чаши* широко использовал К. Н. Батюшков, для которого этот образ также был одним из знаковых воплощений эллинского мировосприятия. Сравнивая художественную семантику *чаши* в его поэзии с пушкинской, заметим, что у Батюшкова есть ряд отличий. Большинство контекстов употребления у Батюшкова отсутствуют в стихах Пушкина либо имеют иное значение. *Чаша* забвенья, *чаша* с ядом – символ соблазна, искушения, падения: «Любовь жестокая, источник зол твоих, / Явилася тебе среди палат златых, / И ты из рук ее взял чашу ядовитую» («К Тассу», 1808) [2, с. 82].

Появляется образ *чаши простой*, и предназначена она у Батюшкова для домашнего празднества вместе с Пенатом, хранителем дома, который живет в старой отеческой обители: «Он благодатен нам, когда из чаш простых / Мы учиним пред ним обильны излинья» («Тибуллова Элегия X». Из I книги вольный перевод, 1810) [1, с. 108].

Заздравная чаша: «И чаша поднялась за здравье Филалета!» («Странствователь и домосед», Июль 1814 – 10 января, 1815) [2, с. 176].

Золотая и златая чаши есть в описании дружественных компаний, но это не шумные застолья и

пиршества, как у Пушкина, а ограниченный круг друзей, проводящих беседы в идиллическом сельском мире: «С златыми чашами в руках, / С любовью, с дружкой на устах!» («Весёлый час», 1806 – 1810) [1, с. 105].

Чаша сладострастья: «Мы область призраков обманчивых прошли, / Мы пили чашу сладострастья», («К другу», 1815) [2, с. 195].

Чаша радости: «Всю чашу радости мы выпили до дна. / Увы, исчезло всё, как прелесть сладка сна!» («Новый род смерти», 1814) [2, с. 247].

В целом у Батюшкова образ чаши многогранен и содержит отдельные оттенки основных значений, прямых и переносных. Добавляются значения, которые отсутствуют у Пушкина, – *ядовитая чаша*, *простая чаша*, *чаша скорби*. У Пушкина преобладает чаша пиршественная, круговая как символ весёлого застолья. У Батюшкова образ чаши может приобретать скорбные оттенки. В поэзии 1802 – 1810 гг. появляется чаша, оставленная на гробнице как знак окончания пира жизни: «Свирель и чаша золотая / Там будут в прахе истлевать» («Весёлый час», 1806 – 1810) [2, с. 105]; «Иль бросьте на гробницы / Богов домашних лик, / Две чаши, две цевницы / С листьями повилик» («Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому», 1811 – 1812) [2, с. 106].

В стихотворениях Пушкина 1811 – 1820-х гг. данные значения единичны. Чаша страдания появляется в стихотворении «Фавн и пастушка» (1813 – 1817): «В безмолвии несчастный / Страданья чашу пьёт» [6, Т. 1, с. 274], *чаша забвенья* («К Пущину», 1815; «Кто из богов мне возвратил», 1835 [6, Т. 3, с. 389]). Эти метафоры танатологических коннотаций не содержат.

Если обратиться к периодам творчества Пушкина в отдельности, то для каждого можно выделить наиболее характерные черты и мотивы. Что касается лицейского периода, то в нём выделяется целый мотивный комплекс – дружбы, страсти и любви, наслаждения жизнью. Чаша символизирует полноту жизни, гармонию и радостное мироощущение, в котором сливаются веселье, любовь, творчество.

Можно выделить три основных контекста, в которых присутствуют чаши.

Чаша с пьянящими напитками присутствует в вариациях дружеского мотива (застолье, весёлая компания, личный разговор). Чаша как сосуд для напитка появляется в ряду других сосудов, наименование их определяется содержимым (шампанское, вино, пиво, пунш) и продуцировано ситуацией и адресатом. Чаша дружбы чаще всего употребляется в посланиях к кому-либо (Дельвигу, Пущину, Н. Г. Ломоносову). Дружественная чаша веселья – это не только чаша, но и кружка (пиво): «За кружкой пива мой мечтатель / Открылся кистеру душой» («Послание Дельвигу», 1827) [6, Т. 3, с. 68]; бокал (пунш): «Помнишь ли друзей шептанье / Вкруг бокалов пуншевых» («Воспоминание. (К Пущину)», 1815) [6, Т. 1, с. 119]; чаша (шампанское): «Шампанского в стеклянной чаше / Шипела хладная струя» («Весёлый вечер в жизни нашей», 27 мая

1819) [6, Т. 3, с. 77]; рюмка (ром): «Приди ко мне на рюмку рома, / Приди – тряхнём мы стариной» («Сегодня я поутру дома...», 1823) [6, Т. 2, с. 286]; стакан («белая пена»): «Стакан, кипящий пеной белой, / И стук блестящего стекла» («К Батюшкову», 1814) [6, Т. 1, с. 72]; кубок (пунш): «Поставь пивную кружку / И кубок пуншевой» («К Пушкину», 1815) [6, Т. 1, с. 119].

В любовном контексте встречается метафорическое использование образа: чаша любви, кубок: «Чаше кубок наливай; / Страстью пылкой утомляйся / И за чашей отдыхай» («Гроб Анакреона», 1815) [6, Т. 1, с. 165], «Дай руку сладострастью, / И с чашей круговой / Веди меня ко счастью» («Городок», 1815) [6, Т. 1, с. 95]. Особый вариант представлен в «Вакхической песне» (1825), в которой символическое содержание обусловлено обрядовым жестом: «Полнее стакан наливайте! На звонкое дно / В густое вино / Заветные кольца бросайте» [6, Т. 2, с. 420].

Восклицание в послании «К Пушкину» передает возвышенно-радостное состояние души в момент

достижения наибольшего удовольствия: «И пусть умрём мы оба / При стуке *полных чаш*» («К Пушкину», 1815) [6, Т. 1, с. 119].

Полная чаша в своём метафорическом значении символизирует достаток и избыток: «Будь подобен *полной чаше* / Молодых счастливый дом» («Будь подобен полной чаше», 1824) [6, Т. 3, с. 26]; «И пусть умрём мы оба / При стуке *полных чаш*» («К Пушкину», 1815) [6, Т. 1, с. 132]; «Пусть войдет отрада жизни нашей, / Веселья бог с широкой, *полной чашей*, / И царствуй, Вакх, со всем двором своим» («Сон», 1816) [6, Т. 1, с. 184].

Образ чаши в творчестве Пушкина является художественным воплощением концепта, формирующим античную семиосферу. Круговая чаша дружбы, чаша веселья, застолья, мира, признательности, спасенья, истины, атрибут отдыха и откровенной беседы, чаша утешенья, погребальный фиал – все приведенные метафорические значения сохраняют связи с классической традицией, актуализируя античную символику пиршества, вакхического веселья, ритуальных действий.

Литература

1. Батюшков, К. Н. Полное собрание стихотворений / К. Н. Батюшков; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. В. Фридмана. – М.; Л.: Сов. писатель, 1964.
2. Библия. – М.: Рос. Библийское о-во, 2004.
3. Древний мир. Энциклопедический словарь: в 2 т. / под ред. В. Д. Гладкого. – М., 1998. – Режим доступа: http://drevniy_mir.academic.ru/ (дата обращения: 30.01.2014).
4. Мифологический словарь / под ред. Г. Щеглова, В. Арчера. – М.: АСТ, 2006.
5. Мурьянов, М. Ф. О пушкинской «Вакхической песне» / М. Ф. Мурьянов // Русская литература. – 1971. – № 3.
6. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений, 1837 – 1937: в 16 т. / А. С. Пушкин; ред. комитет: М. Горький [и др.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
7. Редина, О. Н. Античность в творчестве А. С. Пушкина. Библиография / О. Н. Редина // Пушкин и античность: сборник научных статей. – М.: Наследие, 2001. – С. 125 – 139.
8. Словарь античности [пер. с нем.] / под ред. Й. Ирмшер, Р. Йоне. – М.: Прогресс, 1989.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 4. – 4-е изд., стер. – М.: РАН, Ин-т лингвистич. исследований, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encsuc.htm>
10. Словарь языка Пушкина / под ред. В. В. Виноградова. – 2-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000.
11. Таушев, Аверкий, архиепископ. Литургика / А. Таушев – Режим доступа: <http://www.liturgica.ru/-bibliot/averk/averk03.html> (дата обращения: 30.01.2014).
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935 – 1940.
13. Филатова, А. А. Концепт как конституирующий элемент культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. А. Филатова. – Ростов н/Д, 2001. – Режим доступа: <http://www.dissertat.com> (дата обращения: 30.01.2014).

Информация об авторе:

Павлюк Надежда Сергеевна – соискатель кафедры русской литературы и фольклора КемГУ, 89043740443, pavlukfil@gmail.com.

Nadezhda S. Pavlyuk – post-graduate student at the Department of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2014 г.